

Evgeniy V. Abdullaev
Tashkent Russian Orthodox Seminary
evg_abd@hotmail.com

BULAT OKUDZHAVA AND PACIFISM IN THE LITERATURE OF THE 1960S.

Annotation. I examine the anti-war theme in the works of Bulat Okudzhava and other poets of the 1960s, exploring how a new pacifist discourse emerged in Soviet literature, distinct from the official rhetoric of the "struggle for peace."

In the early 1960s, the understanding of the catastrophic consequences of nuclear war, previously confined to a narrow circle of scientists, spread among Moscow intellectuals. This shift is reflected in the poetry of Okudzhava, Tarkovsky, Brodsky, Yevtushenko, and Rozhdestvensky. Their works express anxiety about the possibility of global conflict while avoiding the ideological clichés typical of Soviet propaganda.

The author challenges the common label of Okudzhava as a "pacifist," emphasizing his complex attitude toward war. On one hand, the poet, who grew up in the militarized society of the 1930s, romanticized war (especially the Russian Patriotic War of 1812). On the other hand, his personal frontline experience (depicted in his novel *Be Healthy, Schoolboy!*) shattered these illusions. In his works, war appears as a senseless and brutal force.

Okudzhava's anti-war lyrics ("Oh, You Blue Ball...", "My Son's Tin Soldier") emphasize humanity's collective responsibility for violence ("We all trample in blood..."). A similar motif appears in the works of other poets: Tarkovsky's "Warning," Brodsky's "Procession," and Rozhdestvensky's "Requiem." Even Yevtushenko's poem "Do the Russians Want War?" transcends official rhetoric by appealing to universal values.

I highlight that in the early 1960s, anti-war poetry became less ideological and more personal and humanistic. However, by the 1970s, this trend weakened: Soviet propaganda co-opted pacifist motifs, while unofficial literature lost interest in them. A renewed anti-war theme would emerge only in the 1980s, in response to the Afghan War.

The article also discusses the evolution of pacifism in the post-WWII era. Unlike the utopian pacifism of the early 20th century, the new pacifism acknowledged the horrors of global wars and the threat of nuclear annihilation. Okudzhava's works, though critical of war, do not advocate passive surrender but rather a moral resistance to violence.

Keywords: Pacifism, World War II, anti-war lyrics, poetry of the 1960s, the "sixtiers", B. Okudzhava, A. Tarkovsky, I. Brodsky, E. Yevtushenko, R. Rozhdestvensky.

Acknowledgments. The article is based on a revised text of a presentation delivered at the X International Conference on Bulat Okudzhava's Works (Moscow, November 19–20, 2022).

Абдуллаев Евгений Викторович

Ташкентская православная духовная семинария
evg_abd@hotmail.com

БУЛАТ ОКУДЖАВА И ПАЦИФИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию антивоенной темы в творчестве Булата Окуджавы и других поэтов 1960-х годов. Автор анализирует, как в этот период в советской литературе формируется новый пацифистский дискурс, отличающийся от официальной риторики «борьбы за мир».

В начале 1960-х осознание катастрофических последствий ядерной войны, ранее ограниченное узким кругом ученых, проникает в среду московской интеллигенции. Это отражается в творчестве Окуджавы, Тарковского, Бродского, Евтушенко и Рождественского. Их стихи выражают тревогу перед возможностью глобального конфликта, но при этом избегают идеологических клише, характерных для советской пропаганды.

Автор оспаривает распространенное определение Окуджавы как «пацифиста», подчеркивая его сложное отношение к войне. С одной стороны, поэт, выросший в милитаризованном обществе 1930-х, романтизировал войну (особенно 1812 года), но с другой — его личный фронтовой опыт (отраженный в повести «Будь здоров, школяр!») разрушал эти иллюзии. Война в его произведениях предстает как бессмысленная и жестокая стихия.

Антивоенная лирика Окуджавы («Ах ты шарик голубой...», «Оловянный солдатик моего сына») акцентирует коллективную ответственность человечества за насилие («Всё мы топчемся в крови...»). Подобный мотив звучит и у других поэтов: у Тарковского («Предупреждение»), Бродского («Шествие»), Рождественского («Реквием»). Даже Евтушенко в стихотворении «Хотят ли русские войны?» выходит за рамки официальной риторики, обращаясь к общечеловеческим ценностям.

Отмечается, что в начале 1960-х антивоенная поэзия становится менее идеологизированной, более личной и гуманистической. Однако к 1970-м этот пафос частично нивелируется: советская пропаганда адаптирует пацифистские мотивы, а неофициальная литература теряет к ним интерес. Новый всплеск антивоенной темы произойдет лишь в 1980-х, в связи с Афганской войной.

Ключевые слова: пацифизм, Вторая мировая война, антивоенная лирика, поэзия 1960-х, «шестидесятники», Б.Окуджава, А.Тарковский, И.Бродский, Е.Евтушенко, Р.Рождественский.

Благодарности. Статья представляет собой переработанный текст выступления на X международной конференции, посвященной творчеству Булата Окуджавы (Москва, 19-20 ноября 2022 г.).

Проблема войны и мира сегодня остра, как никогда за все три постсоветских десятилетия. Мир снова стал стеклянным – не по своей прозрачности, но по хрупкости. Снова придвинулась вплотную возможность глобальной войны.

Это означает, в том числе, что снова встает и проблема пацифизма, уже слегка забытая. Встает необходимость учесть и осмыслить опыт сопротивления войне – прежде всего, глобальной, – в русской культуре. Осмыслить с того самого времени, как в ней самой вероятность такой войны была впервые осознана.

Произошло это в самом начале 1960-х; можно сказать, с самым их наступлением. Именно в это время понимание фатальных последствий новой большой войны постепенно просачивается из узкого круга физиков-ядерщиков (Петра Капицы, Андрея Сахарова) в среду столичных интеллектуалов. В том числе – и литераторов.

И здесь пройти мимо имени Булата Окуджавы просто невозможно.

Но для начала нужно разобраться с ярлыком (именно ярлыком, а не определением) «пацифиста», который пристал к Окуджаве после первых официальных откликов на его повесть «Будь здоров, школяр!» (1961). [4, с. 92].

Автор наиболее известной и полной биографии Окуджавы, Дмитрий Быков, энергично полемизирует с восприятием Окуджавы как пацифиста. «Несмотря на все свои декларации – “я ненавижу войну”, “война не бывает великой”, – никаким пацифистом он ни в жизни, ни в творчестве не был... Пацифист зовет к примирению, учит договариваться со злом, избегать конфронтаций, выше любых принципов ставит человеческую жизнь – это никак не про Окуджаву. Это определение – одно из немногих, на которые он обижался. ... Окуджаву всю жизнь был в плену военной символики и метафоры, несмотря на ограниченность собственного военного опыта; ненависть к бессмысленной жестокости, к братоубийству, к вбиванию клиньев между своими не отменяет для него необходимости отстаивать свою правду. Его герой – грустный солдат, а не дезертир. Он позволяет себе скорбеть о своей участи, но не бежать от нее» [3, с. 502].

Но, стремясь «отклеить» от своего героя ярлык пацифиста, Быков, как мне кажется, сам воспроизводит то однобокое и идеологически ангажированное понимание пацифизма, какое господствовало в официальной советской риторике тех лет. То есть в таком очень узком и слегка окарикатуренном виде, как чего-то мягкотелого, соглашательского («договариваться со злом»), абстрактно-гуманистического («выше любых принципов ставит человеческую жизнь»), а то и просто как оправдания дезертирства. Именно так пацифизм трактовался, например, в 1955 году в

Большой Советской Энциклопедии: как течение, «осуждающее всякую войну», для которого характерна «пассивность, вера в установление “вечного мира” без устранения причин, порождающих войны» [2, с. 251].

Однако пацифизм, в том виде, в каком он сформировался после 1945-го, был явлением гораздо более сложным. Безусловно, в нем оставалось многое от либерально-утопического пацифизма начала XX века, с его верой в возможность полностью избежать военных конфликтов и в установление «вечного мира». Но, в целом, это был уже другой пацифизм – учитывавший страшный опыт двух мировых войн и, главное, возможность третьей, еще более апокалиптической.

Да, Окуджава, безусловно, романтизировал войну – как и большинство тех, кто рос и воспитывался в предельно милитаризованном обществе 1930-х. Именно эта стремительно возраставшая милитаризованность советского социума и советской культуры (аналогичные процессы шли параллельно и в ряде европейских стран и в Японии) имела гораздо большее влияние на отношение Окуджавы к войне, чем его «собственный военный опыт», о котором пишет Быков. Напротив, э тот опыт, это столкновение с реальной войной – как это видно по его повести «Будь здоров, школяр» – как раз деромантизировал войну и освобождал от «плена военной символики». Война для него – фатальная, обезличенная, не поддающаяся никакому рациональному постижению стихия. «Я познакомился с тобой, война. ... Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно? Крик командира — беги, исполняй, оглушительно рывкай “Есть!”, падай, ползи, засыпай на ходу. Шуршание мины — зарывайся в землю, рой ее носом, руками, ногами, всем телом, не испытывая при этом страха, не задумываясь» [4, с.7-8].

Поэтому не случайно почти весь романтизм в отношении войны у Окуджавы связан с войной, значительно отстоящей от современности: войной 1812 года. В ранний период Окуджава романтизировал и Гражданскую (и ее «комиссаров в пыльных шлемах»), но потом отошел от этого. Война же 1812 года, с высоты страшного военного опыта XX века кажущаяся почти «безобидной», стала действительно любимой темой Окуджавы. Эту войну, как и всю ту эпоху, он с удовольствием эстетизирует, отчасти идеализирует, перенося на нее романтический милитаризм времен своего взросления.

Иное дело – Вторая Мировая война, и совсем уже иное – опасность новой глобальной войны. Здесь Окуджава вполне вписывался в пацифистское течение в русской литературе 1960-х. Назовем хотя бы две его

известные песни начала этого десятилетия, «Оловянный солдатик моего сына» (1964 и, особенно «Ах ты шарик голубой...» (1961):

*Ах ты, шарик голубой,
грустная планета,
что ж мы делаем с тобой,
для чего все это?!
Всё мы топчемся в крови,
а ведь мы могли бы...
Реки, полные любви,
по тебе текли бы.*

Здесь важно местоимение «мы», которое подразумевает общую ответственность людей за войны («Всё мы топчемся в крови...»), а не только «враждебного капиталистического лагеря», как это артикулировалось в те годы в советской «миротворческой» идеологии. В этой пацифистской, по сути, риторике Окуджава не было одиночек. Это же коллективное, общечеловеческое «мы» присутствует и в «Предупреждении» Арсения Тарковского, которое было написано годом ранее, в 1960-м.

*А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Еще не рожденным потомкам своим
За собственный грех первородный.* [1, с 458].

Или в «Шествии» еще совсем молодого Бродского (1961); в этой поэме, созданной явно без расчета на публикацию, антимилиитаристский пафос выражен со всей определенностью. Причем именно в отношении возможной ядерной войны – что вообще не очень характерно для лирики Бродского (как и для процитированного выше Тарковского):

*Кошмар столетья – ядерный грибок,
Но мы привыкли к топоту сапог,
Привыкли к ограниченной еде,
Годами лишь на хлебе и воде,
Иного ничего не бравши в рот,
Мы умудрялись продолжать свой род,
Твердили генералов имена,
И модно хаки в наши времена,
Всегда и терпеливы и скромны,*

*Мы жили от войны и до войны,
От маленькой войны и до большой,
Мы все в крови – своей или чужой.
Не привыкать, вот взрыв издалека.
Еще планета слишком велика
И нелегко все то, что нам грозит,
Не только осознать – вообразить.*

Эта тема общей, всего человечества, ответственности в предотвращении вполне реальной (как это вскоре покажет Карибский кризис) ядерной войны проникает и в стихи поэтов-шестидесятников, публикуемых и официально признаваемых. Например, в написанной в 1960 году поэме «Реквием» Роберта Рождественского, с ее хрестоматийно известными строками:

*Встречайте трепетную весну,
люди Земли.
Убейте войну,
Прокляните
войну,
люди Земли!*

Эти строки, которые в 70-е и 80-е воспринимались как часть общей официозной «борьбы за мир», в начале 60-х звучали несколько иначе. Это был такой же выход за пределы советской «миротворческой» идеологии тех лет (направленной, напомним, не против войны, а против военных противников СССР), как и процитированные выше строки Окуджавы, Тарковского и Бродского. «Реквием» Рождественского был совершенно лишен каких-либо идеологических маркеров, будь то «социализм», «капитализм», «империализм» и производные от них, без которых не обходилось ни одно «мирное» заявление советского руководства и перепевающая эти заявления литературная продукция тех лет. В начале 60-х меняется сам риторический регистр антивоенной лирики. Он постепенно *разгосударствляется*, становится не только более общечеловеческим, идущим поверх идеологических и государственных границ, но и более личным, приватным, обращенным к отдельному человеку.

Даже стихотворение Евтушенко «Хотят ли русские войны?..» (1961), которое вроде бы полностью вписывалось в официальную идеологию

«борьбы за мир» (с ее разделением на «нас-миролюбивых» и на предполагаемых по умолчанию «них-агрессоров»), отражало этот поворот. Оно, конечно, больше воспринималось как слова известной песни на музыку Эдуарда Колмановского, с ее маршеобразным военным ритмом. Но в первом его варианте было четверостишие, которое в песню не вошло (но было опубликовано) и звучало так:

*Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.*

Конечно, на маршевую музыку Колмановского эта строфа не могла лечь. И «шелест листьев и афиш», и сны, которые снятся Нью-Йорку и Парижу, – все это выпадало из обезличенной, милитаризованной риторики «борьбы за мир». В той, новой пацифистской риторике, которую принесли с собой шестидесятые, противопоставлялись друг другу не два лагеря, не две идеологии, а, собственно, война и мир. Это же противопоставление мы видим и в уже упомянутой песне Окуджавы «Оловянный солдатик моего сына» (1964). С одной стороны – тема мира: «Земля гудит под соловьями, / Под майским нежится дождем...», а с другой – страшноватый оловянный солдатик, который «всё ждет своих врагов», и готов прицелиться в любого...

Эта риторика отражала общий процесс демилитаризации общественного сознания, который начался с окончания Второй мировой войны, но вплоть до конца 1950-х подавлялся и цензурировался. Милитаризм и связанный с ним алармизм были удобными и, главное, привычными для советской элиты инструментами мобилизации общества и манипулирования общественным мнением. Пацифизм, который пробился в начале 60-х с ослаблением цензуры, был одновременно и выражением определенной оппозиционности.

Через десять лет, в начале 70-х, и политическая, и литературная ситуация несколько изменится. Советская «миротворческая» идеология станет гибче, эклектичнее; обвинения в пацифизме постепенно сойдут на нет. Фактически, все антивоенные тексты и предыдущего десятилетия, 60-х, и новые, создаваемые в 70-е, будут апроприированы, впитаны в нее... Но одновременно и пацифистский пафос в неофициальной и полуофициальной советской литературе тоже ослабнет. Через десятилетие, в начале 80-х он снова зазвучит, но уже как отклик на бессмысленную и

авантюрную афганскую войну. А Окуджава напишет «Примету» – возможно, свое самое яркое и известное антивоенное стихотворение...

Литература

1. Александрова М. Стихотворение Булата Окуджавы «Оловянный солдатик моего сына» в культурно-историческом контексте 1960-х годов // *Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. – 2019. – № 4.
2. Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. Т.32. «Панипат – Печура». 2-е изд. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1955.
3. Быков Д. Булат Окуджава. – М.: Молодая гвардия, 2009.
4. Метченко А. Новое в жизни и литературе // *Коммунист*. – 1962. – № 5. – С. 92-93.
5. Окуджава Б. Будь здоров, школяр. Стихи. – 2-е изд. – Франкфурт: Посев, 1966.
6. Позина М. Крушение романтических иллюзий в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр» // *Вопросы литературы*. – 2018. – № 4. – С. 209-214.

References

1. Aleksandrova, M. (2019). Stikhotvorenie Bulata Okudzhavy «Olovyanny soldatik moego syna» v kulturno-istoricheskom kontekste 1960-kh godov [Bulat Okudzhava's poem "My Son's Tin Soldier" in the cultural-historical context of the 1960s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 4.
2. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya: v 50 t. T.32. «Panipat – Pechora»* [Great Soviet Encyclopedia: In 50 vols. Vol. 32. "Panipat – Pechora"] (2nd ed.). (1955). Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya.
3. Bykov, D. (2009). *Bulat Okudzhava* [Bulat Okudzhava]. Molodaya gvardiya.
4. Metchenko, A. (1962). Novoe v zhizni i literature [New in life and literature]. *Kommunist* [Communist], 5, 92–93.
5. Okudzhava, B. (1966). *Bud zdorov, shkolyar. Stikhi* [Be healthy, schoolboy. Poems] (2nd ed.). Posev.
6. Pozina, M. (2018). Krushenie romanticheskikh illyuziy v povesti B. Okudzhavy «Bud zdorov, shkolyar» [The collapse of romantic illusions in B. Okudzhava's story "Be healthy, schoolboy"]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 4, 209–214.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА

LITERARY CRITICISM: A MODERN PARADIGM

Научно-теоретический журнал

2025. № 1. Дата выхода: июль 2025 года.

© Национальный университет Узбекистана имени Мирзо
Улугбека, 2025. Все права защищены.

За содержание публикаций и высказанные позиции
исключительную ответственность несут авторы публикаций.
Редакция оставляет за собой право публиковать материалы в
дискуссионном порядке, не разделяя отдельных позиций авторов.